

Они не проиграли, они просто очень устали

В один день не стало Леонида Филатова и Элема Климова

независимая - 2003-28 окт - с. 8

Екатерина Барабаш

Есть люди, об уходе которых писать особенно больно. И не только потому, что смерть вообще горька. И не только потому, что вдвойне ненавидишь ее за трагическое пристрастие к молодым. Леониду Филатову должно было в декабре исполниться 57.

За последние десять лет смерть подобралась к нему слишком близко, и никто — ни врачи, ни близкие — не верил, что ему что-то еще отпущено. Но в этой длинной и тяжелой схватке победила жизнь и удерживала свою победу годы и годы. В воскресенье вечером не смогла, сдалась.

Почти всю свою сознательную актерскую жизнь Филатов отдал Таганке. Любимову обожал, почти боготворил, но когда тот вернулся, стал одним из зачинателей раскола, создав в числе других «Содружество актеров Таганки». Он искренне считал, что жизнь и искусство не поворачивают вспять и вернуть любимовскую Таганку той, какой она была, уже нельзя. Он встал на сторону Губенко и К°, однако — вот странное дело — умудрился не запачкаться в скандале собственное имя. Он всегда был вне подозрений, и даже тогда, в тот трудный момент, когда в воздухе настойчиво витало слово «предательство», оно могло иметь отноше-

ние к кому угодно, только не к Филатову. Так уж получилось. Ему можно было порой то, чего нельзя было другим. Не потому, что старался, добивался, а словно внутреннее существо само отторгало любое кривое слово.

В фильме-катастрофе «Экипаж» персонажу Филатова, bravому летчику, было разрешено спать без разбору с женщинами, быть отъявленным бабником и ловеласом. И при этом оставаться в рамках «положительности» своего героя. Кому бы еще позволили такое в приснопамятные 70-е? А Филатову — было можно. Потому что ни у

туала. Зато потом отмерила ему сполна. Правда, далеко не все видели фильм Сергея Соловьева «Избранные», где Леонид Алексеевич сыграл, пожалуй, лучшую свою роль — немецкого эмигранта в Латинской Америке 40-х, безнадежно запутавшегося и превратившего свою жизнь в цепь предательств и подлостей. Аллюзии были совершенно ясны — какой там немец, это все наши, свои интеллигенты, про которых так недвусмысленно выразился Ленин и которые не преминули оправдать нелепое определение. И опять — трухлявый и гнилой образ нес в себе тот фи-

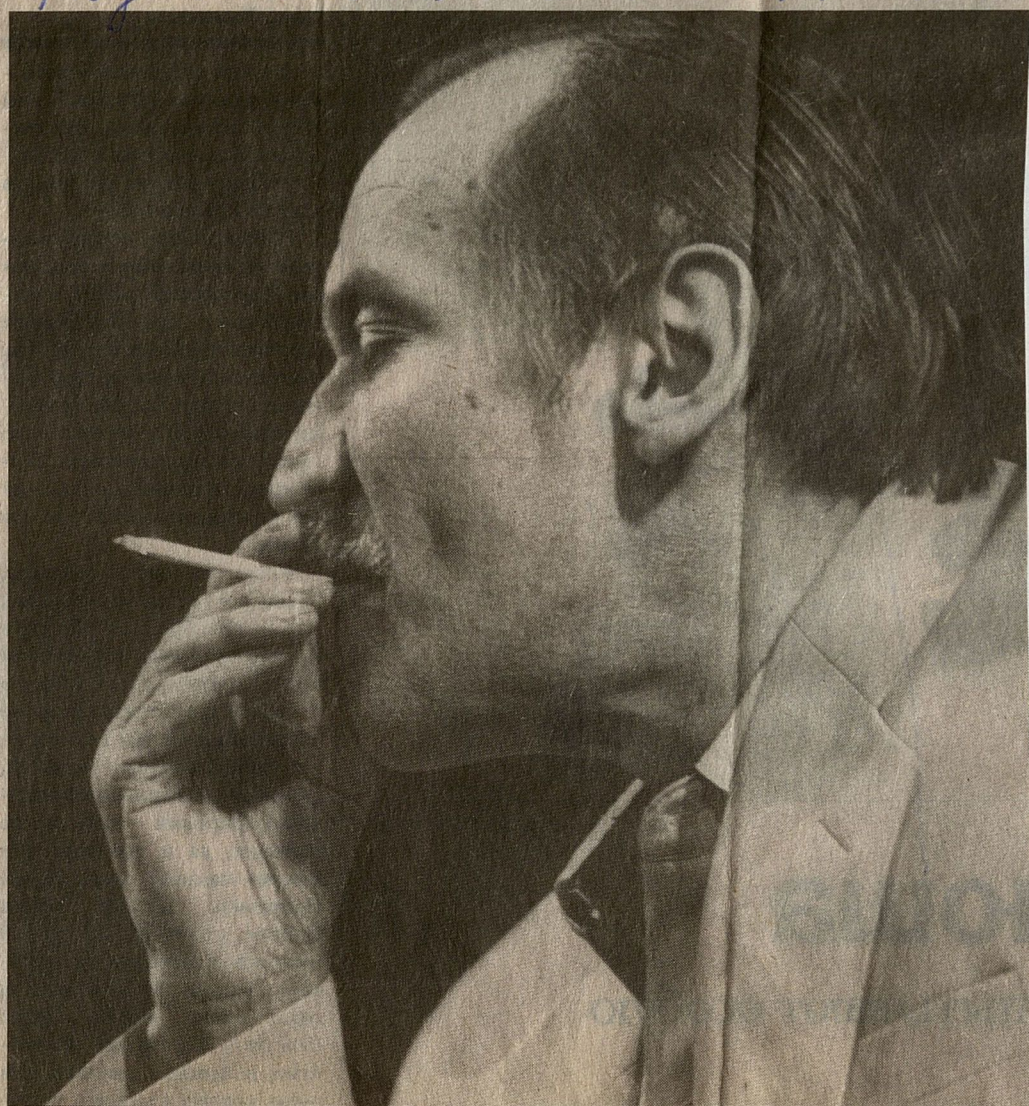
Про таких, как Филатов и Климов, говорят «художники на грани»

кого — ни у зрителей, ни у начальства — он не вызывал подозрений. Он просто так жил, он умел оставаться красивым и благородным в любой ситуации.

В кино Филатов сыграл не так уж много. То ли оттого, что поначалу всего себя отдавал театру, то ли просто оттого, что не всегда справедливая судьба так поздно заметила этого талантливого красавца интеллек-

латовский нерв, за который ему все прощали и который позволял ему все эти годы играть на грани.

Он вообще был человеком на грани, особенно последние годы. Наверное, тот, кто один раз побывал между жизнью и смертью, не боится сорваться. Только тот, кто почти побывал «там», мог создать такую телепередачу, как «Чтобы помнили...» — простенькое и спокой-

Последние годы Леонид Филатов каждым своим поступком бросал вызов смерти.

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

но-благородное повествование об ушедших. И — опять — кому еще могли доверить вести программу на самом широкоэкранный канале с так и не восстановившейся дикцией, нарушенной координацией движений?

Все последние годы Филатов не просто сопротивлялся болезни — он словно каждый день, каждую минуту, каждым своим поступком бросал ей вызов. Раз за разом он будто объявлял очередной раунд в схватке со смертью. И та обескураженно отступала, видя, как Филатов, обессиленный, с недвижущимися руками, в уме сочинял строчки своих стихотворных пьес и твердил их наизусть, чтобы потом продиктовать жене. Писать сам он не мог. А выходило разудало, весело.

Он не проиграл в этой долготелней борьбе. Он просто очень устал...

И в тот же вечер второй удар — сильный, наотмашь. Не стало Элема Климова, человека порой странного, непонятного, загадочного, неудобного. Наверное, его можно было не любить, можно было не принимать, но не замечать — нельзя никак.

Недавно Элем Германович праздновал 70-летие. Он не сокрушался, что много лет, что жизнь почти прожита. Но, человек мудро-спокойный, и не мчался за жизнью сломя голову, пытаясь ухватить последние мгновения. Он слишком хорошо знал, что такое смерть. Почти 25 лет он прожил без Ларисы Шепитько, талантливой красавицы жены, оставшейся там, в искореженной машине. Он остался здесь, но без Ларисы не мог. Все эти годы не мог. Он жил

в их квартире, ставшей постепенно музеем Ларисы, не пустив туда больше никого. Они были самой красивой парой нашего кинематографа, загадочной и талантливой. После ее смерти Климов закончил последний фильм Ларисы «Прощание», сам снял картину о ней, которую назвал просто — «Лариса». И все, что он делал эти годы, он делал для нее, будто камешек за камешком выстраивая ей незримый памятник.

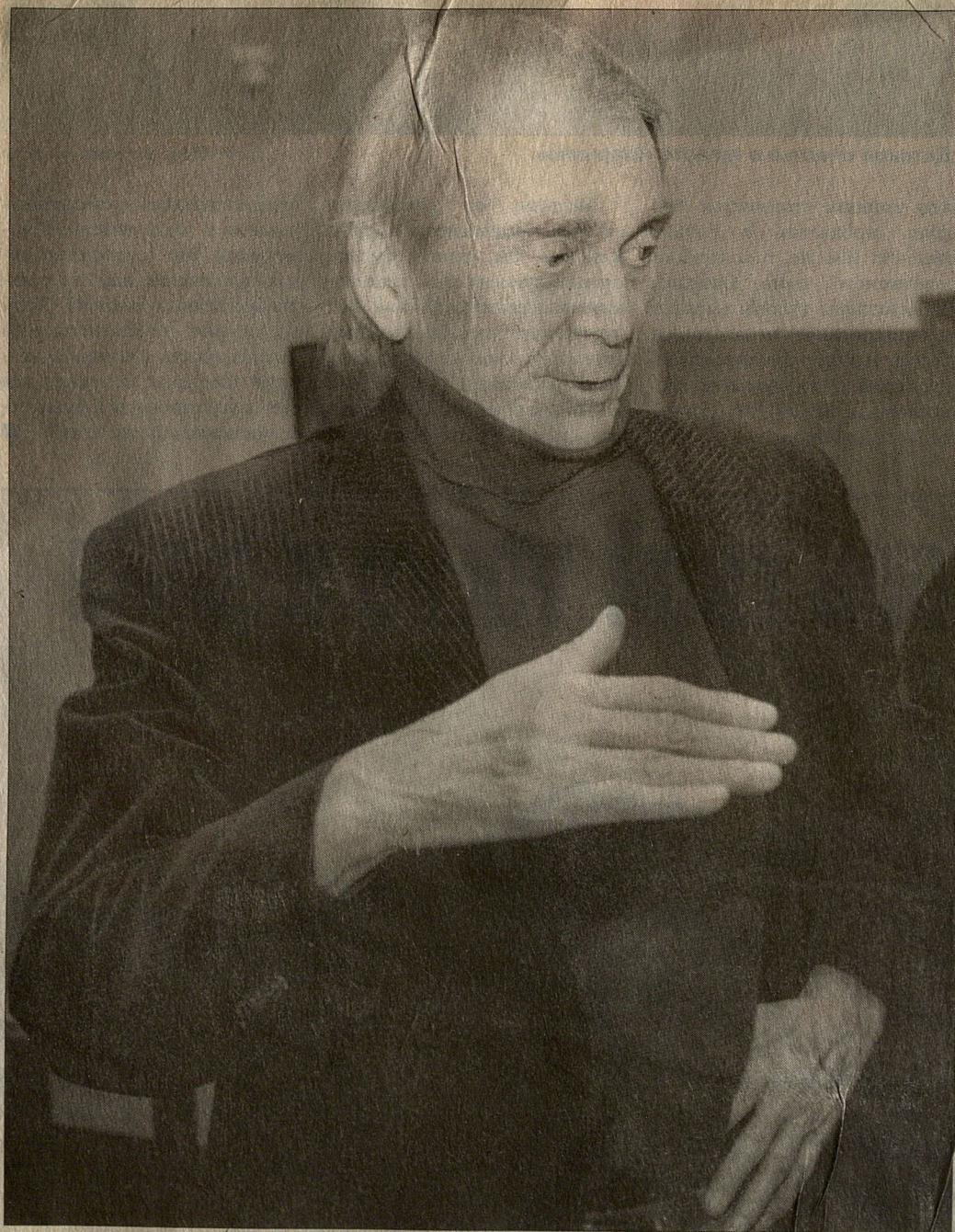
Элем Климов был человеком неудобным. И тоже непонятно порой, почему некоторые его картины не ложились на полку, особенно в советские времена. Не всякому позволительно было снимать кино «на грани». Климов снимал. Жесткая и яркая сатира в его фильмах столь однозначно распространялась на все общество, на всю систему, что впору руками разводить. «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!», «Похождения зубного врача» — ранние его фильмы били точно в цель, цепляя и ранив ее болезненно и осязательно. Как всякий нормальный человек, Климов прекрасно понимал весь идиотизм, всю нелепость правил, по которым живет страна. Он не был диссидентом, он не шел напролом, но так виртуозно пользоваться эзоповым языком, как это умел Климов, мало кто был способен. Его «Агония» о Николае II и Гришке Распутине с великолепными Ромашиным и Петренко стала сенсацией уже потому, что на рубеже 70–80-х вообще снимать на эту тему, не показывая царя идиотом, казалось, было невозможно. Значит, только казалось. Климов опять обошел все мыслимые идеоло-

гические преграды, пробираясь по краю, по грани, по лезвию.

Когда отпала необходимость в эзоповом языке, Климов одним из первых этим воспользовался. Он стал одним из организаторов знаменитого революционного V съезда Союза кинематографистов СССР, который без сожалений и сомнений снес старую структуру Союза. Это сейчас можно и нужно задаваться вопросом: «А стоило ли?» Это сейчас тогдашние революционеры, и Климов в том числе, поняли, что агрессивная базаровщина в искусстве неуместна. Но тогда была эпоха великих перемен, и обрушившаяся перестройка там, где можно, сметала до основания. Климов возглавил обновленный Союз кинематографистов. Впрочем, Советский Союз вскоре распался, а с ним распался и союз киношный.

С тех пор Климов отошел от кино. Писал стихи, мерил их на вес, относясь к себе с той долей самоиронии, что свойственна умным людям. Мечтал снять «Мастера и Маргариту», уже почти все было готово. Не получилось. При нынешних сложных отношениях в киноструктурах Климов мог стать ценнейшим сторонником для одних и весомым противником для других. Его имя под каким-нибудь обращением, воззванием, манифестом значило бы немало. И тогда, вероятно, многое бы у него в кино еще получилось. Но он не захотел. Ему было интересно только кино как таковое, то искусство, которое когда-то познакомило его с Ларисой Шепитько и которому изменить он уже не мог.

Что за проклятая смерть, что повадилась забирать у нас сразу по двое!

Элем Климов относился к себе с самоиронией, свойственной умным людям.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)